Для цитирования: Парамонова С.П. К вопросу об исследовании феномена фаворитизма // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 26–37.

УДК 316.46

# К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ФАВОРИТИЗМА

***Парамонова Светлана Павловна,***
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор кафедры социологии и политологии, доктор философских наук, профессор, Пермь, Россия.
E-mail: spp45@mail.ru

*Аннотация*

В статье рассматривается фаворитизм как тип социальной связи. Являясь социальным и культурным феноменом, он пронизывает все стороны отношений там, где есть социальное поле деятельности. Предложены некоторые подходы к методологии анализа феномена фаворитизма. Фаворитизм рассматривается в качестве социального института общества. Он как институт-установление, институт-организация и сверхколлективное образование служит созданию упорядоченной неформальной структуры сообщества, государственных институтов, коллективов. Понятие фаворитизма применяется при рассмотрении трудовых конфликтов, поэтому он всегда рассматривался на социально-психологическом уровне. Однако реальные события на Ближнем Востоке, на Украине выявляют тот факт, что фаворитизм просматривается во взаимодействии стран-лидеров и стран-сателлитов. Ряд новых крупных публикаций показывает, что фаворитизм действует и на внутригосударственном, институциональном уровне. Институт фаворитизма проявляется в ролевой структуре группы. Анализируется роль временщиков-фаворитов, а также сподвижников и последователей лидера в больших и малых группах в социальном пространстве и времени; выявляется симбиоз «лидер-фаворит» на эмпирическом уровне. Индикатором для выявления функции фаворита является его оценка ролевыми группами и группами по типу морального сознания. Дифференцируя явление фаворитизма, социум может в перспективе определять границы этого феномена юридически, а процесс из стихийного обретает возможность перехода к относительно рационально управляемому.

*Ключевые понятия:*
фаворитизм, теория социальной идентичности, ролевая теория личности, ролевые группы: лидер, фаворит, конформист, маргинал, аутсайдер, изгой; типы морального сознания: коммюнотарист, переходный тип, гедонист, прагматик; диспозиции, соотношение ролевых групп и типов морального сознания.

## Введение

В сложившейся системе социально-гуманитарного знания проблему фаворитизма принято ограничивать сферой социальной психологии. На социологическое изучение фаворитизма профессионалами наложено латентное дисциплинарное табу. Однако если взглянуть шире на социальный процесс, то фаворитизм проявляется на всех трёх уровнях реальности, рассматриваемых социологией: транснациональном (глобальном), государственном (институциональном) и групповом (коллективном). Фаворитизм является проблемой отношений, скрытой от посторонних глаз, но видимой как противоречие между странами-лидерами и странами-сателлитами в игре объединений и распадов их союзов. Очевидно противостояние «лидер-отверженный» на уровне страны-гегемона и стран периферии, в т.ч. стран-изгоев, с применением к ним военных действий либо экономических санкций. Большинство на планете видит в своей жизненной реальности разрыв между бедностью и богатством; между сокращением социальных полей (труда, самоорганизации, культуротворчества) и расширением полей войны, ведущих к массовым неостановимым миграциям. Неслучайно М. Олсон отмечал, что организованное меньшинство может диктовать свои условия большинству, а большинство не может ему противостоять [17]. Тем не менее большинство сообществ дает адекватную интуитивную оценку меньшинству. Задачей науки становится открытие закономерностей фаворитизма.

При внимательном рассмотрении фаворитизм очевиден и в каждом институциональном проявлении. В настоящем фаворитной силой, выходящей из-под контроля государства в расширяющейся системе неолиберальной экономики, является скрытое функционирование офшоров, вызывающее становление «неравновесных неравенств» в институтах кризисного социума [27, с. 76].

Сфера, в которой целесообразно использовать изучение проявлений алгоритмов и признаков фаворитизма, – социология социальных изменений [32]. Объект исследования – феномен фаворитизма. Предмет исследования – институт фаворитизма, включающий ролевую теорию личности. Используемый метод – анкетный опрос. Цель исследования феномена фаворитизма – ограничение стихийной силы,

действующей в обществе. Фактором института фаворитизма является неравенство позиций в системе неформальных отношений внутри глобальных сообществ, институтов внутри государства, ролей в больших и малых социальных группах. В социально-профессиональных группах фаворитизм проявляется в конфликтах между сообществом (коллективом) и фаворитом, когда фаворит в своих притязаниях «перегибает палку». Основная проблема – противоречие между притязанием на власть симбиоза «лидер-фаворит» и неприятием большинством данной латентно-сакральной коммуникации, как только она приводит к противостоянию интересам сообщества. Обнаружить это противоречие позволяет корпус социальных наук и эмпирических данных об институциональной природе фаворитизма.

В исторической ретроспективе тема фаворитизма может быть представлена данными о фаворитах-финансистах, спонсировавших королей на ведение завоевательных войн. Активность наций-завоевателей угасала в символических и материальных формах гедонизма: вложений в роскошь и строительство религиозных, культовых сооружений. Северо-Западные властные и предпринимательские круги XVI в. (Модерна I) вложили прибыли от захвата новых территорий в экономику развивающейся мир-системы [8, с. 129–145]. Через два века в Европе под видом религиозных войн прокладывал путь буржуазный прагматический интерес. Мир идет по пути наращивания рациональности [9, с. 24–27]. Россия, тип цивилизации которой сложился между Востоком и Западом, как между молотом и наковальней, теряя силы в войнах и поднимаясь в передышках выживания, вынуждена спонтанно формировать стойкий коллективизм.

Тема фаворитизма на социологическом уровне может быть извлечена из универсального контекста исторических исследований – сравнения внутренней политики государств и актуальных взаимодействий групп («партий»), действующих через вторых лиц – фаворитов. Фаворитизм очевиден во взаимодействиях влиятельных персон. Коварный политик граф-герцог Г. де Оливарес, герцог А. де Ришелье, регент Э.И. Бирон контролировали аристократические семьи, обвиняя их в заговорах против престола, склоняли властвующих особ к лишению жизни вольномыслящих, казнили неугодных, делили их земли, имущество, продвигали социально близких, создавали кланы преданных себе людей.

С ослаблением религиозного мировоззрения в Европе, России, США и переходом к светским формам сознания выдвигаются группы интеллектуалов-идеологов [15, с. 62, 113, 131], которые бьются за влияние на власть, как волки за добычу. Такие фавориты-идеологи при политических лидерах, как М. Суслов и Зб. Бжезинский, не подлежат исключению из оценки респондентов и анализу. Мир, войну, диктатуру и санкции определяют «белые ястребы» военно-промышленного комплекса – фавориты глобализма, толкающие мир к катастрофе. Если социология охватывает субстратно-событийный, материальный процесс социальных отношений, то социальная психология связана с индивидуальной структурой личности: с волей, интеллектом, интуицией – коммуникативный. Не будет большим преувеличением сказать, что фаворитизм – проявление человеческой природы: субъективности, избирательности. При этом у избранного, скорее всего, появляется возможность продвигать свои идеи, реализовать свои собственные цели и задачи, давать оценки качествам окружающих, определять их статус.

Социально-психологический аспект анализа делает акцент на особенностях избранников-фаворитов, которые, действительно, выделяются особыми качествами, встречающиеся не у всех. Одни одарены физической силой, другие красотой, третьи полководческим даром, четвертые способностью к интриге; объединяет их одно: все они обладают огромным запасом жизненных сил. Проявления человека нельзя сводить только к рациональности [30, с. 227–232]. Одни фавориты к своей ролевой позиции идут намеренно, реализуя карьерные устремления, другие – благодаря харизме, третьи – случайно. Они входят в окружение лидера по включенности в ту или иную сферу деятельности. Социологический анализ позволяет выявить природу фаворитизма и удалить мистифицирующие покровы «одаренности» фаворитов и преобладающие мнения по поводу молчаливо принимаемой будто бы «некомпетентности» всех остальных.

Фаворитизм достиг процветания в эпоху абсолютных монархий; термин «королевская фаворитка» используется, например, для обозначения официального статуса маркизы де Помпадур, которая

управляла внешней и внутрнней политикой, являясь советницей короля [31, с. 179]. Вместе с тем фаворитизм не всегда и не обязательно связан с интимными отношениями лидера и фаворита.

Фаворит – лицо, пользующееся благосклонностью правителя и влияющего на него. Функция фаворита – установление санкций в социальном поле. Его привилегия как избранника – создание латентно управляемой социальной среды. Существование лидера в команде указывает на ожидаемое поведение фаворита, и оно должно быть функциональным, адекватным его роли. Если фаворитки французского общества уделяли внимание политесу, то фаворитизм российской элиты времен Елизаветы Петровны принимал характер престижной деятельности в служении государству в сфере дипломатии, в армии и на флоте, организации систематического образования, занятиях сельским хозяйством и промышленностью [1, с. 629–637].

Следует заметить, что коннотация понятия «фаворит» в массе имеет негативный смысл. Нередко это выбор из толпы успешного, обаятельного, раболепного, подобострастного. К. Биркин в своем исследовании временщиков и фавориток отмечал: «Необидчивость – первая и капитальная добродетель каждого истого паразита и временщика» [5, с. 259]. Так, Стефан Цвейг, расследуя деятельность исторической фигуры Фуше, фаворита-царедворца, показал беспринципного дельца, нажившего огромное состояние на разграблении церквей во время Великой французской революции. При его участии была отправлена на гильотину королевская семья Людовика XVI. Жозеф Фуше держал все нити власти при правлении бюрократии Наполеона Бонапарта. Когда же восторжествовала контрреволюция, он отыскал пути к Людовику XVIII, обменяв своё спасение на статус министра полиции. Ему было предложено составить списки тех героев наполеоновских военных походов, всех своих прежних друзей, кого следует предать казни. Их казнили. Являясь богатейшим человеком Франции, пользуясь награбленным, он был сослан дипломатом в Богемию, от него отвернулось всё светское общество [28, с. 622].

Социальное качество общества во многом определяется мерой фаворитизма. Как особая форма перекоса отношений равенства, фаворитизм останавливает развитие науки, культуры, экономики, труда и производства и, как правило, препятствует поступательному развитию общества. В период культа власти ни генетики, ни сталевары, ни кибернетики, ни кинематографисты, ни режиссеры, ни разведчики ничего не могли сделать против всесильных властителей и их фаворитов. В настоящем ни разоблачения персоналий фаворитизма, ни обращения к власти профессионалов-экономистов, ни социологический анализ коррупции не меняют ситуацию несменяемости фаворитных групп и кланов. Тем не менее оценка качества неформальных отношений вокруг института российской власти бесстрашно ведется статистиками, экономистами и политологами [10].

Деление на «своих» и «чужих» столь же древнее, как мир. Оно формируется на основе ценностей, ценности становятся идеологией. На основе общих символов создаются программы партий, разделяющие сообщества на «друзей» и «врагов». Распределение богатства, распоряжение жизнью и смертью других людей зависят от правящих партий, от их внутреннего симбиоза «лидер-фаворит» [18, с. 75–81]. Идеология, привязанная к территории, превращается в доктрину. Доктрина находит исполнительных функционеров в рационально организованной бюрократии. Все мы знаем, что бюрократия, как отмечает Р. Коллинз, создает некоторые неудобства, но мы не знаем, почему бюрократия действует таким образом [4, с. 486–488]. Фаворитизм из символической плоскости переходит в деятельную институцию сообщества. Бауманская «Актуальность холокоста» не утрачивает своей прогностической силы [3].

### Необходимость социологического исследования фаворитизма

Современный российский социум характеризуется усилением процесса нисходящей социальной мобильности. Снижается доля групп, занятых трудом, растет тенденция постоянного передела собственности, маргинальной становится социальная структура. В процессе конкуренции за рабочие места и за руководящие должности в управлении на предприятии значительно возрастает фактор фаворитизма, усиливается роль неформальных связей. Фавориты, носители латентных функций, конечно, не контролируемы в

коллективе, государстве и мировом сообществе. «Обнаружение скрытых функций означает важное увеличение социологического знания, – подчеркивал Р. Мертон … Именно латентные функции некоторой деятельности или верования не являются достоянием обыденного сознания, поскольку они оказываются непреднамеренными и неосознанными социальными и психологическими последствиями» [16, с. 447].

Фаворитизм – как институт-установление, как институт-организация и как сверхколлективное образование – приобретает форму социального института благодаря исполнению ролей в группе. Скрытая иерархия фаворитных отношений определяет требования к члену коллектива. Если личность принимает правила, рамки и стандарты, то установления группы направляет ее поведение, если же не принимает норм и ценностей, то к ней применяются санкции [7]. Границу между фаворитами-сподвижниками и фаворитами-временщиками можно видеть по холистским устремлениям сподвижников и по приоритету атомистичных, индивидуальных целей временщиков. Дж. Урри в работе об офшорах, П. Бурдье в лекциях о государстве призывают к приоритету ценностей открытости и коллективизма в противовес воспеваемому современной социологией индивидуализму, закрытости, религиозности [27, с. 278–279; 6, с. 658–659].

Фаворитизм – тип социальных связей, который формирует климат в социальном поле неформальным образом, «мягкой силой», но жесткими санкциями, регулирующими отношения сообщества. С одной стороны, фаворитизм, стратегический запас лидерства – это потенция общества. С другой стороны, фаворитизм в симбиозе «лидер-фаворит» нередко выступает ограничителем творческой активности членов группы, и в этом его опасная сила (драматическим напоминанием является роль Т.Д. Лысенко и судьба В.И. Вавилова в истории генетики в период культа власти). Именно фаворит, находящийся в ближайшем окружении лидера, распределяет каждого по статусным позициям.

Итак, фаворитизм – тип социальных отношений, формирующий социальное поле любого сообщества. Являясь элементом неформальной структуры взаимодействий, фаворитизм жестко санкционирует отношения на всех уровнях: от религиозных и светских политических институтов до элитных группировок, «форматирующих» историю. Таким образом, ему подвержены большие и малые социальные группы: от союзов государств до институтов общества, а также творческих и трудовых коллективов.

### Некоторые теоретические посылы исследования феномена фаворитизма

Принцип функционального единства призван определить наблюдаемые закономерности фаворитизма, его имманентную природу и зависимость от других факторов социальной реальности. На связь социологической и социально-психологической сторон взаимодействий указывал Г. Тард. Концепция механизма коллективных действий людей характеризуется тенденцией к подражанию. [26, с 151]. Ч. Кули рассматривал феномен лидерства через личную власть. Он выделял два фактора: сравнительную оценку сознания и конструктивное и плодотворное влияние лидера на другого индивида [11, с. 253]. Фаворитизм – вечная игра социальных сил: смена правящих элит и фаворитов, появление маргинальных групп и массовых движений. Как отмечал В. Парето, правящий класс использует индивидов управляемого класса (политическую клиентелу), которые применяют искусство убеждения и хитрость наёмных убийц, солдат, агентов полиции для обеспечения безопасности элиты, а демократии во Франции, Италии, Англии, США все больше превращаются в режимы, управляемые демагогическими плутократами [24, с. 375–376].

Почему это возможно и каким образом должен быть подтвержден тот факт, что фаворитизм имеет «социологическое» измерение? Исследование фаворитизма можно было бы отнести лишь к сфере социально-психологических отношений, если бы из-за фаворитного положения одних лиц не летели головы с плеч других людей. Так это произошло в ходе казней в Варфоломеевскую ночь. Пригретая опричнина отправила, после избиений, под лед жителей города-изгоя Великого Новгорода при Иване Грозном. В угоду насаждаемому либерализму и «демократии» принесены в жертву Альдо Моро, Саддам Хусейн и Муаммар Каддафи. В развязанной информационной войне гибнут в горячей гражданской войне жители Восточной Украины. Фаворитизм – тип неформальных

социальных отношений, переходящих в противостояния внутри сообществ как в коллективах, странах-государствах, так и глобальном сообществе [23].

### Методические основы изучения феномена фаворитизма

Метод анализа и методика проведения всегда основаны на эмпирических данных об изучаемом объекте исследования. Объектом эмпирического исследования является фаворитизм – скрытое покровительственное отношение к избраннику из окружения лидера. Предмет – отношение к фаворитизму коллективов по территориальным и временным характеристикам. Переменные личностного блока позволяют выявлять символы и ритуалы поведения реальных субъектов в группе, институте, сообществе, что является фактами, фиксирующими неравномерность отношения к феномену фаворитизма. Исследование выявляет меру тяготения к фаворитам и фаворитизму окружающих.

Диспозиционную типологическую структуру следует поставить в связь с ролевой структурой (25, с. 72–74). Первый шаг состоит в анализе ролевых групп, второй – в сопоставлении ряда характеристик групп по типу морального сознания. Сравнительный анализ пространственно-временных характеристик респондентами своего места в структуре группы позволяет выявить ролевые позиции каждой группы. Приведём несколько примеров операционализации исследования феномена фаворитизма:

1) выделение структуры и функций фаворитизма;

2) симбиоз лидера и фаворита;

3) выявление отношения к фавориту различных ролевых групп;

4) дифференциация значимости фаворитов.

Фавориты-избранники определяются по следующим признакам:

1) выявлением ролей, в т.ч. фаворита, методом самоидентификации;

2) ведущей ролью в управлении межличностными отношениями в коллективе;

3) безусловным принятием фаворитом установлений правящей элиты;

4) инициативной роли советчика для членов социальной группы, удобного информатора для лидера об экономическом положении и интимной стороне жизни членов коллектива.

Социологический анализ включает использование принципа, предложенного Н. Луманом, а именно: «двойной контингенции непредвиденных обстоятельств» [12, с. 226]. С помощью этого принципа следует рассматривать мотивы, которые направляют деятельность личности. Понятия «ситуативность», «системная дифференциация», «раздражение-ирритации», рассматриваемые Н. Луманом, служат в качестве элементов функционального подхода к исследованию социологии фаворитизма [13]. Задачи исследования – дать в n-мерном анализе институт фаворитизма: взаимную оценку групп, дифференцированных по ролям и типам морального сознания. В обзоре ролевой теории личности, касаясь динамики исполнения ролей, И. Шубрт выделил ряд факторов: способ исполнения роли, личные данные и способности, интересы и способ реагирования коллег, ситуации [33, с. 22]. Это подтверждается нашим анализом фаворитизма.

### Показатели, используемые для анализа феномена фаворитизма

Механизмы поддержания и воспроизводства фаворитизма включают триаду факторов: статус в сфере деятельности; выбор лидером фаворита по принципу преданности; создание симбиоза «лидер-фаворит». Симбиоз складывается на основе привилегий, в обход норм, законов, традиций и высшей рациональности, принятых в социальном поле [22, с. 279–289]. Реальная ситуация наличия фаворитизма в коллективах (командах) проверяется наличием позиции, противоположной фавориту, роли изгоя (парии) в группе. Фаворит и определяет статус отверженного, позволяя осуществлять громоотводную функцию на изгое, сбрасывать на него все психическое напряжение коллектива.

Следует проверять отношения легитимации фаворитизма и причастности самих окружающих к фаворитизму – оценки лидером фаворита и, наоборот, оценки фаворитом лидера; а также позиции групп носителей других социальных ролей: конформистов, маргиналов, аутсайдеров, отверженных и романтиков, верящих в себя. Сопоставимость по ролям позволяет проследить статику и динамику фаворитизма в пространстве (территориях), а также определить качества (наполнение содержания) фаворитизма в соответствии с социальным временем [29, с. 12–13].

Показателем отношений фаворитизма, степени его влияния на социальную реальность определяется наличием симбиоза «лидер-фаворит». На поведенческий (ритуальный) аспект проявления фаворитов в коллективах предприятий (территорий) указывает степень социальной дистанции между группой и симбиозом «лидер-фаворит». Деятельность этого симбиоза закрепляется поддержкой весомой массы конформистов и маргиналов. Вместе с тем симбиоз «личность-фаворит» подрывается оппозицией аутсайдеров, а тем самым подтачивается и разрушается единство клановой системы и задается движение сообществу. В мире действуют антисистемные движения, которые отнюдь не являются фаворитными, но своей критикой они определяют путь к прогрессивному развитию общества.

Индикатором, определяющим положительную или отрицательную роль избранника-сподвижника: вдохновителя и последователя лидера либо фаворита-временщика, является оценка, данная ему группами с различным типом морального сознания. Сравнивая соотношение оценок фаворитизма ролевыми группами, исходя из социально-демографических характеристик и социально-профессиональной структуры, мы определим те социальные поля и территории, где фаворитизм выражается более напряженно[1].

Из данных табл. 1 становится очевидной общая картина фаворитных отношений в промышленных и торговых центрах. Пятая часть индивидов сконцентрирована в ядре группы: лидеров и фаворитов. Их поддерживает третья часть конформистов и маргиналов. Такая же пятая часть опрошенных удалена от центра к краю группы, пятая часть верит в будущее. Сельскохозяйственные регионы, представленные интеллигенцией, в большей мере характеризуют свой регион как «отверженный». Приведенные ролевые альтернативы определяют состояние сознания и настроений жителей регионов [20, с. 104–108].

*Лидер* в социальном поле определяет тип социальных отношений, он – ведущий. Н. Луман справедливо замечает, что на вопрос «Кто я?» можно ответить, только прибегая к самоописанию, внутренней системе идентификации, тематизации в системе [14, с. 76–91]. Тем не менее в том, что «окружение делает короля», важную роль играет фаворит, связывающий в этом процессе и лидера, и его окружение, и массу. Фаворитизм не афишируемая лидером деятельность, та энергия, с которой фаворит бьется за свой статус. Чем сильнее индивидуальные авторитарные качества лидера, тем менее важными являются такие качества фаворита, как, например, профессиональные, на первый план выходят

Таблица I

**Ролевая идентификация респондентов в регионах РФ (2011–2012 гг. N = 553)**

| Регионы | Роли | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | (Доли, в %, соответствующих ролевых групп в регионах = 100) | | | | | | |
| | Лидер | Фаворит | Конформист | Маргинал | Аутсайдер | Отверженный | Вера в себя |
| Урал | 18,6 | 11,9 | 19,1 | 10,3 | 11,2 | 8,4 | 20,5 |
| Центр РФ | 18,2 | 9,8 | 19,2 | 7,8 | 11,9 | 12,4 | 20,7 |
| Москва | 12,9 | 12,7 | 11,1 | 20,4 | 8,8 | 12,0 | 22,1 |
| Сибирь | 12,4 | 20,0 | 10,2 | 15,1 | 8,8 | 19,1 | 14,4 |

[1] Исследование «Социология фаворитизма» проведено по инициативе и инструменту С.П. Парамоновой. Время проведения 1980–2012, по городам РФ: Барнаул, Красновишерск, Москва, Саров, Соликамск, Пермь, Череповец, Алтайский и Пермский края. Опрос: Барнаул – проф. А.А. Удоденко, Алтайский. край – доц. Н.А. Цыганенко, Москва – доц. М.А. Рыбакова, менеджер Л.П. Цибрюк, Череповец – доц. О.Ю. Солодянкина, Саров – Л.П. Ковшова, инж.-иссл. Н.В. Болденкова, Соликамск проректор СГПИ Г.А. Лебедева, Березники проректор УрГЭУ В.В. Шилов. Социально-демографические характеристики представлены в соответствии со структурой исследуемых предприятий в городах РФ. Социальные группы составили инженеры, работники гуманитарной сферы, рабочие, студенты. В 2012 г. к ролевым группам отнесли себя: лидер 9,4, фаворит 4,6, конформист 16,7, маргинал 31,0, аутсайдер 7,7, отверженный 17,6, группы «вера в себя» 13,0. Отличия с замерами 2003 г. небольшие. Обсчет по программе SPSS И. Балезиной, Е. Коршуновой, Е. Жиряковой. Проект поддержан деканом, затем замдекана по науке Гумфака ПНИПУ проф., д. соц.н. В.Н. Стегнием.

коммуникативно-социальные способности фаворита. Вокруг лидеров формируется ядро последователей. Даже в 90-х, когда в регионах поменяли директоров заводов «красных» на «белых», они вынуждены были исполнять роли коллективистов, иначе не удержать в рабочем состоянии и приватизированные предприятия с их коллективами. Эмпирические данные подтверждают приоритет коммюнотарных ценностей лидеров.

*Фаворит* – второе лицо в коллективе, он проводник между лидером и массой. Фаворит выглядит в глазах нижестоящих либо как «избранник фортуны» – случайный человек, либо как манипулятор, целенаправленно достигающий власти благодаря влиянию на сильных мира сего. С ним считаются как с реальной силой. Фаворитизм выражает санкционированные сверху социально-политические приоритеты: социально безопасная позиция. В личностной характеристике фаворита проявляются качества превосходства над окружающими. Наделение частью властных полномочий фаворитов дает им стимулы для появления энергии, активности в интриге, пронырливости и прагматизма, переходящего в утилитаризм. Скрытые социальные санкции влияют на социальные поля, в которых функции фаворита определяют habitus, положение личности: «наш человек», «один из нас» или «первый среди нас», либо «чужой». В производственной сфере фаворитами чаще являются прагматики мужчины, в иных социальных пространствах – сфере искусства, частной жизни – женщины-гедонисты и переходные типы. Хотя фаворитизм осуждается всеми, однако претендентов на роль фаворита не убывает. По полученным данным, осуждая фаворитизм как явление, больше половины лиц, окружающих респондента, хотели бы быть фаворитами в кругу лидера.

*Конформист* – это человек, который согласен с мнением большинства и не может противостоять давлению большинства. Конформисты составляют самую большую группу в сравнении с другими ролевыми группами в социальном окружении ядра. Конформист выполняет свою роль в соответствии с институциональными ролевыми ожиданиями поведения. Конформная личность с доверием воспринимает устоявшиеся нормы и авторитет лидера. Конформистский тип скрепляет общности любого порядка, он поддерживает коллективность в группе. Американская социология всегда поддерживала культ нонконформизма. Однако позитивная роль конформиста в группе значительна, без него нет группы как слаженного социального агрегата. Конформисты в определенной мере – коммюнотаристы, но в еще большей мере – гедонисты.

*Маргинал* (от англ. Margo – край) – человек, находящийся на границе различных социальных групп. Чувствовать обоснованность притязаний на выход к свободе и двигаться, как по кромке льда, в существующей неопределенной реальности – это удел маргинала. Понятие маргинальной личности разработано Чикагской школой социологии. В частности Р. Парк пришел к выводу, что маргинальные социальные черты личности способствуют формированию творческих способностей. Слабая адаптация к системе ценностей доминирующей группы объясняется тем, что она не вызывает у маргинала интереса и стремления к овладению этими ценностями [2, с. 127–128]. Большинство групп, но по разным мотивам, сместилось в группу маргиналов (см. табл. 2).

В повседневной жизни роль *аутсайдера* в неформальной социальной стратификации непривлекательна. Лидер всегда более успешен, чем другие, в большой игре социальных сил. Аутсайдер может быть поднят вверх (и коллектив поможет ему подняться) лишь в случае ухода бывшего лидера. Аутсайдер – точная противоположность лидера по степени самореализации. Он считает себя наиболее достойным лучшей позиции в команде, но менее удачливым как человек, у которого вся жизнь – цепь нереализованных ожиданий, и ему, по его мнению, с его потенциалом просто не везет в жизни. Он часто утверждает, что, будучи лидером, он чувствовал бы себя «на месте». Аутсайдеры греются в лучах чужой славы, но в ночное время скрипят зубами от зависти к лидеру. Изменение (повышение) неформального статуса такого типа, может обернуться большой проблемой для окружения. По данным исследований, аутсайдерами чувствуют себя менее десятой части (см. табл. 2).

Ничто не представляется большим испытанием в группе, как роль изгоя. *Отверженный (изгой)* в любой социальной группе (или в сообществе) подвергается осуждению, санкциям. Он отстранен от контактов и взаимодействий, приговорен фаворитом к остракизму. Изгой, по статусу, находится на краю группы, ещё даль-

ше от ядра, чем аутсайдер. Это человек, утративший в силу обстоятельств обычное положение, оказавшийся вне общества. Отверженный подвергается осуждению со стороны симбиоза «лидер-фаворит». Из-за сложившихся установок группы он никогда не может подняться и изменить свой статус. В условиях повседневности выход для отверженного один – сменить группу. Среди литературных героев отверженный – Жан Вальжан. Среди исторических и религиозных персоналий – Сократ и Христос; сначала их изгоняли из общества, однако более двадцати веков человечество поклоняется им.

По данным наших исследований, среди лиц, занятых трудом в коллективах, изгои в настоящем, чаще всего по разным причинам, – коммюнотаристы и гедонисты, поскольку изменились официозные ценности в стране. Однако, следует заметить, и ожидания прагматиков и переходных типов не подтвердились в стимулировании и адекватной оплате активного труда.

Группа, обозначенная как «вера в себя», это – романтики, верящие в свое будущее. Веру в себя выразили и лидерствующие группы с устойчивым социальным (управленческим) и экономическим статусом, и та студенческая молодёжь, которая ориентирована на «самодостаточность»» (см. табл. 2).

Нелинейный способ описания двойственной роли оценки фаворитов-«избранников» нравственно-этическим сознанием и ролевой теорией личности представляет собой усложнение – сочетание двух проекций в исследовании феномена фаворитизма. При использовании n-мерной структуры связей появляется возможность большего приближения анализа к реальности. Устойчивым основанием типа морального сознания являются следующие три признака: (a) высшее благо в понимании индивида; приоритет общего либо индивидуального в ценностном мире личности; (b) деятельная сущность человека; (c) отношение к труду и другому человеку как к цели или как к средству. Типология не обязана соответствовать требованиям, предъявляемым к классификации. Классификация должна разбить широкий диапазон более мелких предметов без остатка. Тем не менее выделение, по крайней мере, одного типа из массы анализируемых проявлений сознания и поведения групп – это инструмент эвристического анализа[2] [19, с. 14].

*Коммюнотарность* – тип социальной коммуникации, основанный на индивидуальной либо коллективистской основе. Сплоченность на индивидуальной основе наблюдалась на американском Западе

Таблица 2

**Распределение ролевых групп среди лиц с различным типом морального сознания ( 2011 – 2012 гг. N = 553)**

| Тип морального сознания | Роли (Доля в % ролевых групп в соответствующих группах по типу морального сознания = 100) | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Лидер | Фаворит | Конформист | Маргинал | Аутсайдер | Отверженный | Вера в себя |
| Коммюнотарист | 8,0 | 0,6 | 17,2 | 31,7 | 8,0 | 19,5 | 14,9 |
| Переходный тип | 11,9 | 4,2 | 19,6 | 28,7 | 5,6 | 19,6 | 10,5 |
| Гедонист | 3,9 | 3,9 | 15,5 | 35,9 | 9,7 | 12,4 | 10,7 |
| Прагматик | 10,5 | 6,0 | 15,0 | 30,8 | 6,0 | 20,3 | 11,3 |

[2] Представлено панельное исследование «Динамики морального сознания» 2011–2012 гг. в указанных выше четырёх регионах РФ. Метод – анкетный опрос. N = 553. По полу: муж. – 44,7, жен. – 55,3. В опрос вошли социально-профессиональные группы технических специалистов и гуманитарной интеллигенции, рабочих, студентов, пенсионеров, предпринимателей. По возрасту до 25 лет 61,0; 26–29 7,8; 30 и более 31,2. С высш. и незаконч. высшим обр. 52,6, средне-спец. 26,1, общ. средн. 21,3. Выделенные группы по типу морального сознания: коммюнотарист 34,0, переходный тип 26,0, гедонист 20,0, прагматик 20,0. Выборка случайно-районированная. Пропорции выборки отражают по социально-демографическим характеристикам структуру исследуемых профессиональных групп.

(коллективность завоевателей, объединявшихся перед угрозой нападения индейцев). Сплоченность на коллективистской основе имеет место на Востоке («консервативная современность»). Высшее благо для коммюнотариста – благо общества. К человеку и труду он относится как к цели, но никогда как к средству. Коммюнотарист сохраняет хрупкое равновесие между нормами, ориентированными на активное творчество служением делу и людям, и фоновыми ожиданиями общества – ожиданиями личного жизненного успеха. Очевидно ожидание, с одной стороны, равенства всех перед законом, а с другой – сложившегося в реальности исходного неравенства возможностей. Коммюнотарист отвечает на вызов времени активной помощью другому. Комюнотарный тип сознания и поведения характерен для большинства женщин. Лидеры-коммюнотаристы среди мужчин в далёком прошлом – мудрецы, пророки, поэты. Коммюнотарность, коммюнотарист по своей природе и принципам не совместимы с фаворитизмом [21, с. 84–89].

Духовное состояние сознания *переходного типа* постоянно колеблется между двумя позициями: «иметь» или «быть». Его деятельность особенно широко проявляется на предприятиях в больших городах. В условиях изменения ценностей общества женщины совершили «духовную миграцию» из группы коммюнотаристов, «вливаясь» в группу переходного типа. Руководители нижнего звена производства являются носителями переходного типа морального сознания. В промышленных регионах это – мужчины. В период социальных перестроек переходный тип, являясь лидером в нижнем звене управления, принимает удары на себя, стремясь обеспечить доступными способами условия выживания в коллективе работников с большими семьями. Доли переходных типов и маргиналов близки к совпадению по объему, но переходный тип, безусловно, более сильная личность.

*Гедонист* – носитель традиций. От Платона, Эпикура и до Рассела этот тип имел самые разнообразные характеристики. Смысл жизни гедонистов – получать удовольствие от общения с людьми и от работы. Вера доминирует в его сознании. Гедонист тяготеет к ценностям семьи, узкому кругу друзей и комфортному существованию. Если гедонист меняет свою работу, то чаще всего он переходит в сферу обслуживания. Среди гедонистов преобладают в основном здоровые женщины и мужчины. Там, где существует благоприятный режим для мужчин из-за ограниченного приема на работу женщин, доля гедонистов-мужчин увеличивается и становится больше, чем по предприятию в целом. В периоды кризиса уровень гедонизма повышается. Люди уходят с площадей, спасаясь в семье. Когда ценности гедонизма провозглашаются высшим мерилом жизни, это приводит к гибели целые цивилизации. Доля этой ролевой группы в трудовых коллективах невелика. В настоящем, в условиях глэм-капитализма, гедонист ощущает себя в одних случаях в фаворе, любимцем в поддержании традиций празднеств-корпоративов, в других – отверженным, когда ужесточаются требования к профессиональным качествам в трудовом коллективе.

*Прагматик* является, в основном, носителем модели экономической рациональности. Прагматик считает, что принципом исторической справедливости является равенство всех перед законом. Кроме того, четыре компонента свободы формируют его дух: возможность делать все, что не запрещено законом; наличие внутренней свободы субъекта; невмешательство государства в частную жизнь человека, а также наличие денег, богатства, благополучия. Чем ближе к финансово-промышленным центрам страны расположено сообщество (коллектив), тем выше в нем уровень прагматизма. К прагматизму, в основном, тяготеют мужчины. Женщины составляют меньшую часть прагматиков. Прагматиками чаще всего становятся выходцы из низкооплачиваемых групп общества. Круг контактов прагматиков ограничивается «нужными людьми». Если лидеры среднего ранга и руководители нижнего звена управления тяготеют к коммюнотаризму, то фавориты – к индивидуализму и утилитаризму. Лидеры-управленцы высокого ранга на предприятиях, в заводоуправлении, как правило, являются прагматиками.

Итак, в процессе анализа установлена дифференциация ролевых групп; смысл деятельности каждой группы рассматривается с учетом внутренней логики ее развития. Группы дают оценку каждому индивиду, в частности фавориту. Установлена связь ролевых групп с типами морального сознания. Эмпирический уровень исследования показывает символическую и поведенческую логику каждого типа морального сознания в его отношении к фавориту и фаворитизму: n-мерная картина позволяет видеть глубинные течения в состояниях сознания сообществ.

## Заключение

Фаворитизм в значительной степени – движущая сила изменений общества. Это явление, которое близко нашему времени, но коренится в глубине веков. Функция фаворита состоит в том, чтобы способствовать сцеплению индивидов в единое санкционированное поле. Фаворитизм как универсальная характеристика взаимодействия есть архетип безличной силы, действующей в сообществах, но это не «божественная сила», а мобильная форма связи, соединяющая и дифференцирующая (разъединяющая) людей. Характеристикой человеческих отношений, будь они эгоистичными и гедонистическими, прагматичными, расчетливыми и утилитарными ,или, наоборот, дружелюбными, креативными и коллективистскими, ориентированными на общий интерес, является то, что фаворитизм может двигать события. Фавориты нередко управляют страной и государством, наукой, в конечном счете жизнью людей.

Для выявления институциональной природы фаворитизма использована ролевая концепция личности. Выясняется, что лидер берет на себя профессиональную сторону деятельности, а фаворит – вторая сила в коллективе, команде и сообществе, выполняет функцию создания санкционированного социального поля, иерархии в сфере латентных неформальных отношений. Фавориты овладевают позициями в существующей иерархии в периоды неопределенности ситуации.

Симбиоз «лидер-фаворит» характеризует социальное время и социальное пространство сложившегося сообщества. Обесценение коммюнотарности и замена её клановостью ведет к снижению качества государства, утраты высоких ориентиров. Прорастание фаворитизма в трудовых коллективах, как типа индивидуального выживания, указывает на отрицание здоровых условий коллективизма. Конформистские и коллективистские слои ещё сохраняют скрепы рассыпающегося общества. Маргиналы, аутсайдеры, отверженные, осуждая фаворитизм, хотели бы сами быть обогретыми фаворным теплом вышестоящих.

На поверхности массового сознания фаворитизм выступает как социально-психологическое явление, а в сущности – это область социальных отношений, действующих на личность с силой стихийных законов. Превращать размытые символические состояния сознания в соответствующие узаконенные формы поведения возможно, ограничивая фаворитизм рациональными юридическими законами. Выход из лабиринта фаворитизма – в самопознании общества и активности субъективного фактора.

1. Андреев А.Л. Под скипетром «веселой Елисавет»: к социологической характеристике интеллектуальной истории русского Просвещения // Вестник Российской академии наук. Научный и общественно-политический журнал. Т. 84. № 7. 2014. Июль. С. 629–637.

2. Баньковская С.П. Роберт Парк эволюционно-реформистский подход в социологии // История теоретической социологии: в 4 т. Т. 3. М.: Наука, 2002. С. 127–128.

3. Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Гастальян и А. Рудакова. М.: Европа, 2013. 316 с.

4. Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология /пер. с англ. В.Ф. Анурина. М.: Академический Проект, 2004. 397–608 с.

5. Биркин К. Временщики и фаворитки XVI, XVII, XVIII столетий. В 2 кн. Кн. 1. М.: Автор. 1992. 272 с.

6. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / [ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М. – К. Ривьер]; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Дело, 2016. 720 с.

7. Быченков В. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М.: Российская Академия социальных наук, 1996. 776 с.

8. Валлерстайн И. Мир-система Модерна I. В 3 т. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г.М. Дерлугьяна /пер с англ. литер. ред., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.

9. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. и предисл. Ю.Н. Давыдова, П.П. Гайденко. М: Прогресс, 1990. С. 24–27.

10. Делягин М. Светочи тьмы. Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. Институт проблем глобализации. М.: Книжный мир, 2016. 800 с.

11. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. А.Б. Толстова. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

12. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера, пер. с англ. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 320 с.

13. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 320 с.

14. Луман Н. Самоописания / пер. с англ. О. Никифорова, А. Антоновского. М.: Логос, 2009. 319 с.

15. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.И. Левиной., С.В. Карпушина, А.И. Миллер., Т.И. Студеникиной. М.: Юрист, 1994. 700 с.

16. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / пер. с англ. Ю. Асеева. М.: Издание Международного бизнеса и управления, 1996. С. 393–461.

17. Олсон М. Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Новое издательство, 212 с.

18. Парамонова С.П. Симбиоз лидера и фаворита в социальной структуре групп // Дискуссия. 2012. № 7 (12). С. 75–81.

19. Парамонова С. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 443 с.

20. Парамонова С. Фаворитизм как элемент социально-политических отношений //Фундаментальные исследования. 2012. № 11. С. 104–108.

21. Paramonova S. Types of Moral consciousness. Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. No. 5, October 2015, Suppelement 4. Rome, Italy, 2015. Pp. 84–89.

22. Paramonova S.P. The Study of the Phenomenon of Favoritism Revisited Sociology and Antropology Vol. 5(4), Pp. 279–289. Doi: 10.13189/sa.2017.050402.

23. Paramonova S. Sociology of favouritism // ESA 12-th Conference Differences, Inegualities Sociologycal Imagination. Prague. 25–28 August. 2015. European Sociological Association – www.european sociology.org.

24. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова, науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М.С. Ковалёвой; науч. консульт. Н.А. Мокашёвой; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2007. 511 с.

25. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Л.В. Борзикова, В.В. Водзинская, Л.Д. Докторова [и др.]; под рук. В.А. Ядова. Ленинград: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1979. 264 с.

26. Тард Г. Социальная логика / пер. с фр. М. Цейтлина. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 501 с.

27. Урри Дж. Офшоры / пер. с англ. Е. Головляниciной. М.: Дело, 2017. 288 с.

28. Цвейг С. Жозеф Фуше / пер. с нем. П. Бернштейн // Стефан Цвейг. Собрание сочинений в семи томах. Том четвертый. М.: Правда, 1963. С. 395–623.

29. Чупров А.С., Эзри, Г.К. Социальное время: концепт или реальность? // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 7–15.

30. Шелер М. Проблемы социологии знания / пер., коммент., послесл. А.Н. Малинкина. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

31. Шоссинан де Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей (от Агнессы Сорель до Марии Антуанетты) / пер. с фр. С.В. Архипова. М.: Палимпсест, 2003. 249 с.

32. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 415 с.

33. Шубрт И. Социальная роль – забытая тема социологии // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 15–24.

**References**

1. Andreev A.L. (2014) Vestnik Rossijskoj akademii nauk. Nauchnyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal, t. 84, no. 7, Ijul', pp. 629–637 [in Rus].

2. Ban'kovskaja S.P. (2002) Robert Park jevoljucionno-reformistskij podhod v sociologii / Istorija teoreticheskoj sociologii: v 4 t. T. 3. Moscow, Nauka, pp. 127–128 [in Rus].

3. Bauman Z. (2013) Aktual'nost' holokosta / per. s angl. S. Gastal'jan i A. Rudakova. Moscow, Evropa, 316 p. [in Rus].

4. Berger P., Berger B., Kollinz R. (2004) Lichnostno-orientirovannaja sociologija / per. s angl. V.F. Anurina. Moscow, Akademicheskij Proekt, pp. 397–608 [in Rus].

5. Birkin K. (1992) Vremenshhiki i favoritki XVI, XVII, XVIII stoletij. V 2 kn. Kn.1. Moscow, Avtor, 272 p. [in Rus].

6. Burd'jo P. (2016) O gosudarstve: kurs lekcij v Kollezh de Frans (1989–1992) / [red.-sost. P. Shampan', R. Lenuar, F. Pupo, M.-K. Riv'er]; per. s fr. D. Kralechkina i I. Kushnarjovoj; predisl. A. Bikbova. Moscow, Delo, 720 p. [in Rus].

7. Bychenkov V. (1996) Instituty: sverhkollektivnye obrazovanija i bezlichnye formy social'noj sub#ektnosti. Moscow, Rossijskaja Akademija social'nyh nauk, 776 p. [in Rus].

8. Vallerstajn I. (2015) Mir-sistema Moderna I. V 3 t. T. 1. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozjajstvo i istoki evropejskogo mira-jekonomiki v XVI veke / predisl. G.M. Derlug'jana /per s angl. liter. red., komm. N. Procenko, A. Chernjaeva. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 552 p. [in Rus].

9. Veber M. (1990) Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. Izbrannye proizvedenija / per. s nem. i predisl. Ju.N. Davydova, P.P. Gajdenko. M: Progress, pp. 24–27 [in Rus].

10. Deljagin M. (2016) Svetochi t'my. Fiziologija liberal'nogo klana. Ot Gajdara i Berezovskogo do Sobchak i Naval'nogo. Institut problem globalizacii. Moscow, Knizhnyj mir, 800 p. [in Rus].

11. Kuli Ch. (2000) Chelovecheskaja priroda i social'nyj porjadok / per. s angl. A.B. Tolstova. Moscow, Ideja-Press: Dom intellektual'noj knigi, 320 p. [in Rus].

12. Luman N. (2007) Vvedenie v sistemnuju teoriju / pod red. D. Bekkera, per. s angl. K. Timofeevoj. Moscow, Logos, 320 p. [in Rus].

13. Luman N. (2006) Differenciacija / per. s nem. B. Skuratova. Moscow, Logos, 320 p. [in Rus].

14. Luman N. (2009) Samoopisanija / per. s angl. O. Nikiforova, A. Antonovskogo. Moscow, Logos, 319 p. [in Rus].

15. Manhejm K. (1994) Diagnoz nashego vremeni / per. s nem. i angl. M.I. Levinoj., S.V. Karpushina, A.I. Miller., T.I. Studenikinoj. Moscow, Jurist, 700 p. [in Rus].

16. Merton R. (1996) Javnye i latentnye funkcii // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl' / per. s angl. Ju. Aseeva. Moscow, Izdanie Mezhdunarodnogo biznesa i upravlenija, pp. 393–461 [in Rus].

17. Olson M. Vlast' i procvetanie: pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury / per. s angl. B. Pinsker. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 212 p. [in Rus].

18. Paramonova S.P. (2012) Diskussija, no. 7 (12), pp. 75–81 [in Rus].

19. Paramonova S. (2012) Dinamika moral'nogo soznanija (Vvedenie v sociologiju morali). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 443 p. [in Rus].

20. Paramonova S. (2012) Fundamental'nye issledovanija, no. 11, pp. 104–108 [in Rus].
21. Paramonova S. (2015) Mediterranean Journal of Social Sciences, vol. 6, no. 5, october, Suppelement 4, Rome, Italy, pp. 84–89 [in Eng].
22. Paramonova S.P. (2017) The Study of the Phenomenon of Favoritism Revisited Sociology and Antropology, vol. 5 (4), pp. 279–289. Doi: 10.13189/sa. 2017.050402 [in Eng].
23. Paramonova S. (2015) Sociology of favouritism / ESA 12-th Conference Differences, Inegualities Sociologycal Imagination. Prague. 25–28 August. European Sociological Association, available at: www.european sociology.org. (accessed 20.02.2017) [in Eng].
24. Pareto V. (2007) Kompendium po obshhej sociologii / per. s ital. A.A. Zotova, nauch. red., predisl. k rus. izd., ukaz. imen M.S. Kovaljovoj; nauch. konsul't. N.A. Mokashjovoj; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. Moscow, Izd. dom GU VShJe, 511 p. [in Rus].
25. Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti (1979). L.V. Borzikova, V.V. Vodzinskaja, L.D. Doktorova [i dr.]; pod ruk. V.A. Jadova. Leningrad: Nauka. Leningr. Otd-nie, 264 p. [in Rus].
26. Tard G. (1996) Social'naja logika / per. s fr. M. Cejtlina. Sankt Peterburg, Social'no-psihologicheskij centr, 501 p. [in Rus].
27. Urri Dzh. (2017) Ofshory / per. s angl. E. Golovljanicinoj. Moscow, Delo, 288 p. [in Rus].
28. Cvejg S. (1963) Zhozef Fushe / per. s nem. P. Bernshtejn // Stefan Cvejg. Sobranie sochinenij v semi tomah. Tom chetvertyj. Moscow, Pravda, pp. 395–623 [in Rus].
29. Chuprov A.S., Jezri, G.K. (2015) Socium i vlast', no. 6 (56), pp. 7–15 [in Rus].
30. Sheler M. (2011) Problemy sociologii znanija / per., komment., poslesl. A.N. Malinkina. Moscow, In-t obshhegumanitarnyh issledovanij, 320 p. [in Rus].
31. Shossinan de Nogare G. (2003) Povsednevnaja zhizn' zhen i vozljublennyh francuzskih korolej (ot Agnessy Sorel' do Marii Antuanetty) / per. s fr. S.V. Arhipova. Moscow, Palimpsest, 249 p. [in Rus].
32. Shtompka P. (1996) Sociologija social'nyh izmenenij / per. s angl., pod red. V.A. Jadova. Moscow, Aspekt-Press, 415 p. [in Rus].
33. Shubrt I. (2017) Sociologicheskie issledovanija, no. 2, pp. 15–24 [in Rus].

For citing: Paramonova S.P. On the question of studying the phenomenon of favoritism // Socium i vlast. 2017. № 5 (67). P. 26–37.

UDC 316.46

# ON THE QUESTION OF STUDYING THE PHENOMENON OF FAVORITISM

***Paramonova Svetlana Pavlovna,***
Perm National Research Polytechnic University, Professor of the Department Vhair of Sociology and Political Science, Doctor of Philosophy, Professor, Perm, Russia.
E-mail: spp45@mail.ru

*Annotation*
The article considers favoritism as a type of social connection. As a social and cultural phenomenon, it permeates all aspects of relations where there is an organization of people, a social field of activity. Some approaches to the methodology of the analysis of the favoritism phenomenon are suggested. Favoritism is seen as a social institution of society. Favoritism, as institution-establishment, institution-organization and super-collective education, serves to create an orderly informal structure of the community, state institutions, and collectives. The notion of favoritism is applied to the consideration of labor conflicts, and accordingly favoritism has always been considered at the socio-psychological level. However, real events in the Middle East, in Ukraine, reveal the fact that favoritism is seen in the interaction of the leading countries and satellite countries. A number of new large publications show that favoritism acts on an internal, institutional level. The Institute of favoritism is manifested in the role structure of the group. The role of temporary favorites, as well as companions and followers of the leader in large and small groups in social space and time is analyzed; Symbiosis "leader-favorite" is revealed on the empirical level. An indicator for identifying the function of the favorite was his assessment of role groups and groups of the type of moral consciousness. By differentiating the phenomenon of favoritism, the society can in the future determine the boundaries of this phenomenon legally, and the process from the spontaneous will gain the probability of transition to a rationally managed one.

*Key concepts:*
favoritism, theory of social identity, role theory of personality, role groups: leader, favorite, conformist, marginal, outsider, outcast, types of moral consciousness, communitarist, transitive type, hedonist, pragmatist, dispositions, correlation of role groups and types of moral consciousness.